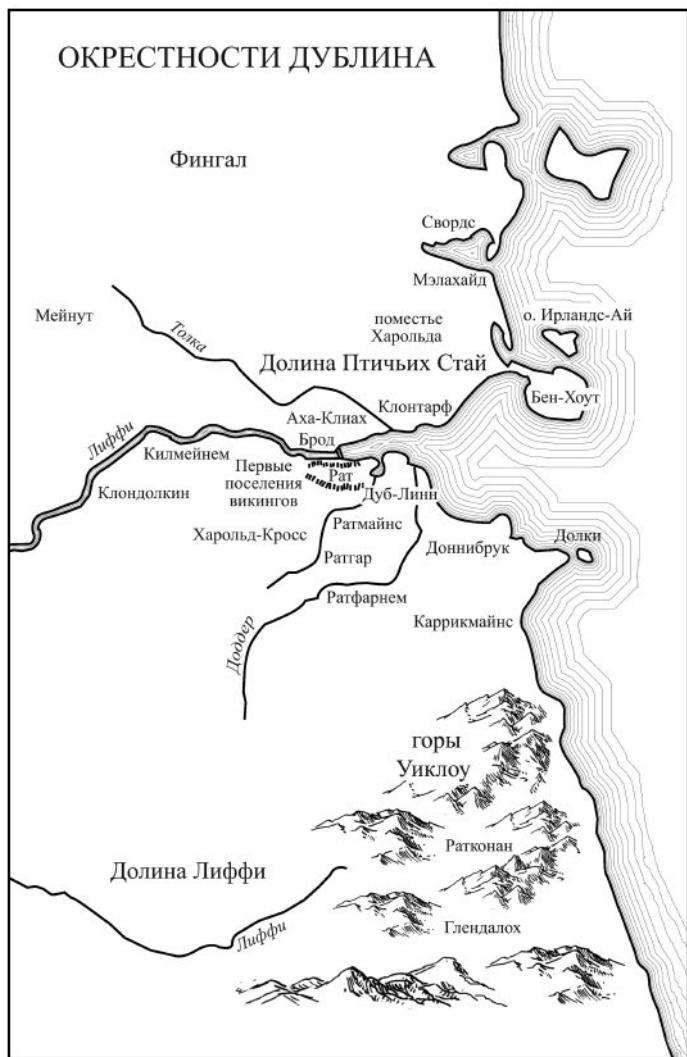

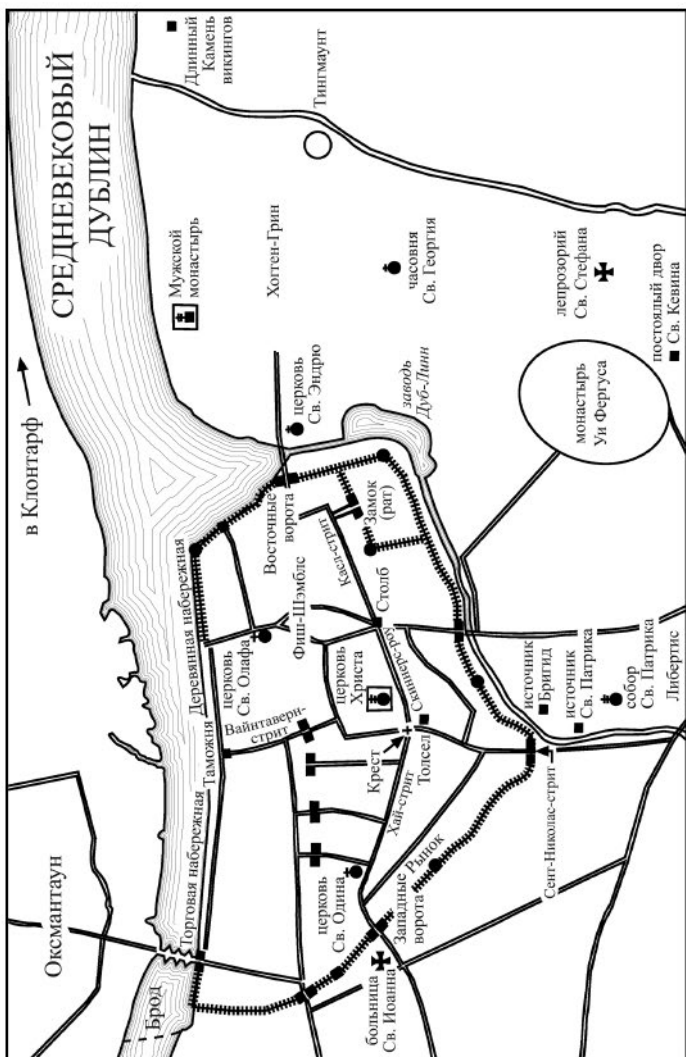
Содержание

Предисловие	15
ПРОЛОГ. Изумрудное солнце	17
ДУБ-ЛИНН	23
ТАРА	118
ПАТРИК	171
ВИКИНГИ	217
БРИАН БОРУ	282
СТРОНГБОУ	415
ДОЛКИ	572
ПЕЙЛ	634
ШЕЛКОВЫЙ ТОМАС	714
Послесловие	825
Благодарности	829

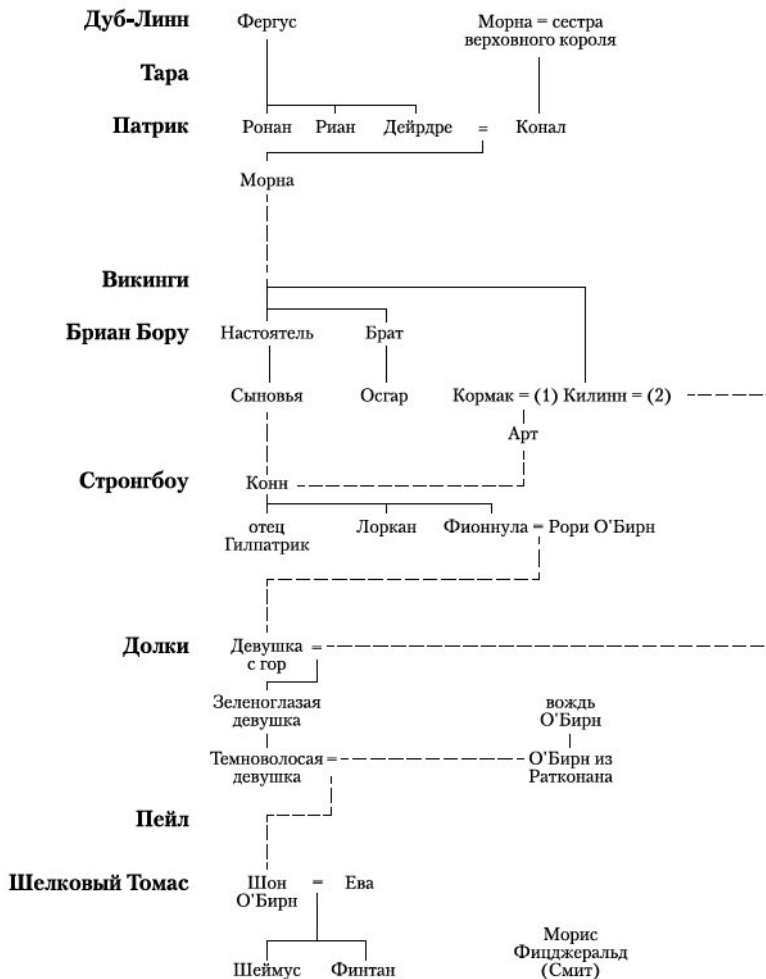
ОКРЕСТНОСТИ ДУБЛИНА

**УИ ФЕРГУСА
и О'БИРНЫ**

СМИТ

Предисловие

Эта книга, в первую очередь, роман. Все персонажи, чьи судьбы прослеживаются в ней на протяжении поколений, выдуманы, но, рассказывая их истории, я помещал своих персонажей среди людей и событий, которые либо действительно существовали, либо могли существовать. Исторический контекст в тех случаях, когда он известен, приведен достоверно, если же возникали сомнения в его толковании, я старался найти наиболее точный путь для его отражения или прибегал к усредненному мнению лучших из современных ученых. Иногда, чтобы облегчить повествование, приходилось слегка корректировать самые запутанные события, однако таких исправлений немного, и ни одно из них не искажает историю.

В последние десятилетия интерес к истории Ирландии в целом и к истории Дублина в частности заметно вырос. За время обширных исследований, которые потребовались для написания этой книги, мне выпала честь работать с некоторыми из самых выдающихся ирландских ученых. Они щедро делились со мной своими знаниями и исправляли мои ошибки, и я искренне признателен им за их неоценимую помощь. Благодаря новейшим научным открытиям подход к ирландской истории был отчасти пересмотрен, вследствие чего многие читатели найдут для себя в моем романе немало сюрпризов. Для тех, кто захочет узнать больше, я сделал несколько дополнительных заметок в послесловии к этому тому.

Ирландские имена, географические названия и специальные термины приведены мной в их самых простых

и привычных формах. В современных изданных в Ирландии книгах для обозначения долготы гласных используется знак фада, а также некоторые другие символы для указания правильного произношения. Однако для многих читателей вне Ирландии такая форма написания может оказаться не слишком удобной, поэтому в романе я решил ее не использовать.

Пролог

ИЗУМРУДНОЕ СОЛНЦЕ

Давным-давно. Задолго до прихода святого Патрика. Еще до появления кельтских племен. До того, как возник гэльский язык. В ту пору, когда ирландские боги еще даже не расстались со своими именами.

Пусть и не всегда достоверные, и все же доказательства есть. Земля сохранила свидетельства их присутствия. К тому же можно призвать на помощь воображение, как делали люди с давних пор, когда только начали слагать легенды.

В те древние времена обычным зимним утром произошло одно незначительное событие. Это нам известно. Такое, должно быть, случалось много раз — год за годом и, можно предположить, век за веком.

Зима. Ясное, бледно-лазоревое небо перед рассветом. Вот-вот из моря поднимется солнце. На восточном побережье острова уже виднеется вдоль горизонта его золотистое сияние.

Это был день зимнего солнцестояния, самый короткий день в году. Если в то далекое время год на острове и начинался с какого-то определенного дня, нам это, к сожалению, не известно.

На самом деле этот остров был одним из двух островов, расположенных возле Атлантического побережья Европейского континента. Когда-то, тысячи лет назад, оба острова, скованные великим белым покоем последней ледниковой эпохи, смыкались между собой каменной насыпью, которая тянулась от северо-восточного края меньшего, западного острова к верхней части его соседа, который, в свою очередь, известковым перешейком

соединялся на юге с континентом. Однако в конце ледникового периода воды тающей Арктики хлынули на сушу и затопили каменную насыпь, а потом снесли и известковый перешеек, сотворив таким образом в море два отдельных острова.

Промежуток между ними был совсем небольшим. Затонувшая насыпь от западного острова, который однажды стал именоваться Ирландия, до британского мыса Кинтайр простиралась всего на дюжину миль, а расстояние между белыми утесами Юго-Восточной Англии и Европейским континентом едва превышало двадцать.

Вполне ожидаемо напрашивалось предположение, что два этих острова должны быть очень похожи. И в каком-то смысле так и было. Однако имелись и едва уловимые различия. Разделенные в результате наводнения, они очень медленно выходили из-под влияния сурового арктического климата. Растения и животные еще только возвращались сюда с более теплого юга. А когда каменная дорога погрузилась в воду, некоторые виды, которые едва добрались до южной части большего, восточного острова, на западный перебраться не успели. Поэтому, в то время как дубы, орешник и ясени в изобилии росли на обоих островах, белая омела большого распространения в Ирландии не получила. И по той же самой благословенной причине, когда Британию заполонили змеи, включая ядовитых гадюк, здесь никаких змей не было.

Большую часть острова, замершего в ожидании расцвета, в то время занимали густые леса и обширные болота. Величественные горные хребты сменялись живописными долинами. Здесь текло множество рек, богатых лососем и прочей рыбой, и самая длинная из них после долгих блужданий по цепи озер и протоков в центральной части острова впадала в Атлантику на западе. Но любого, кто оказывался здесь впервые, больше всего поражали две неповторимые приметы этих мест.

Первой были камни. Повсюду — на полянах в дремучем лесу или на открытых склонах холмов — виднелись мерцающие таинственным сиянием кварца каменные выступы, которые вытолкнула из своих недр сама земля.

И в глубине некоторых удивительных камней прятались золотые прожилки, благодаря чему протекающие рядом ручьи буквально наполнились золотой взвесью и золотой галькой.

Второй приметой был поразительный цвет здешних пейзажей. Был ли тому причиной влажный ветер с Атлантики, или мягкое тепло Гольфстрима, или в здешних широтах как-то по-особенному падал свет, а может, эти и другие условия дополняли друг друга, но растительность на этом острове всегда была невероятного изумрудно-зеленого цвета, какой не найти больше нигде. Возможно, именно это сочетание изумрудной зелени и льющегося золота издревле создало западному острову славу места, где обитают магические духи.

А что же за люди жили на изумрудном острове? До кельтских племен более поздних веков имена людей, прибывших сюда, сохранились лишь в легендах, которые повествовали о потомках Кесайр, Партолона, Немед, Фир Болг и Туата де Данаан. Но принадлежали ли эти имена действительно жившим здесь людям или их древним богам, а быть может, и тем и другим, сказать мудрено. После ледникового периода в Ирландии жили охотники. Потом земледельцы. В этом можно не сомневаться. Как и в том, что люди прибывали сюда из разных мест. И, подобно жителям других частей Европы, обитатели острова знали, как строить из камня, ковать оружие из бронзы и лепить красивую посуду из глины. Еще они торговали с купцами, которые приезжали даже из далекой Греции.

И конечно же, они делали украшения из золота, которым был так богат остров. Ожерелья, браслеты из крученой золотой нити, серьги, броши с золотой чеканкой — ирландские золотых дел мастера превосходили своим умением почти всех в Европе. Пожалуй, в своем деле они были настоящими чудесниками.

Солнце уже почти показалось над горизонтом, и совсем скоро его величавый путь озарится золотым сиянием на спокойной глади моря.

Примерно у середины восточного побережья, обрамленный двумя мысами, простирался чудесный залив. С южного мыса была видна тянущаяся вдоль берега цепь холмов, и среди них две небольшие горы, которые своими изящными очертаниями скорее напомнили бы заезжему путешественнику теплые края Южной Италии. За северным мысом лежала огромная равнина, уходящая к дальним горам возле затонувшего перешейка, что некогда соединял остров с его восточным соседом. Рядом с устьем реки залив изрезали многочисленные песчаные наносы и отмели.

Наконец из-за линии горизонта, рассылая золотистый свет через морские волны, показался сияющий диск солнца. И когда его лучи пронеслись над вершиной северного мыса и устремились к лежащей за ним долине, они встретились с ответной вспышкой, как будто где-то на земле стоял огромный мощный отражатель. Эта вспышка, безусловно, заслуживает особого внимания. Потому что сотворил ее некий примечательный объект, созданный руками Человека.

Милях в двадцати пяти к северу от залива с запада на восток протекала еще одна прекрасная река. Она бежала через плодородную долину, поросшую сочной зеленью. Именно на пологом склоне северного берега этой реки жители острова и возвели несколько крупных и весьма внушительных сооружений, главное из которых только что озарило небо ослепительной вспышкой.

Гигантские, заросшие травой курганы не шли ни в какое сравнение с неуклюжими земляными насыпями. Гладкие круглые обводы и широкие выпуклые кровли явно говорили об их сложнейшем внутреннем устройстве. В основании курганов лежали огромные монолиты с вырезанными на них кругами, зигзагами и загадочными тройными спиралями. Но самое поразительное: вся поверхность, обращенная на восток, была выложена белым кварцем, и эта огромная, испещренная орнаментом кристаллическая стена, принимая первые лучи солнца в тот ясный день зимнего равноденствия, искрилась мер-

цающим сиянием и выпускала отраженный свет обратно в небо.

Кто возвел эти курганы над тихими, плавно скользящими водами реки, доподлинно не знает никто. И для чего их построили, тоже не известно. Известно лишь, что под ними древние хоронили своих вождей. Но кто лежит в этих могилах и были ли духи умерших милостивы или жестоки, остается лишь гадать. Однако они покоятся там, далекие предки жителей острова, и духи их ждут.

При этом и сами огромные курганы, и склепы внутри них были святилищами, которые в определенные времена служили для связи с божественными таинственными силами Вселенной, принесшей на землю космическую жизнь. И именно по этой причине в течение ночи, которая только что завершилась, дверь святилища была открыта.

Да, дверь, потому что в центре сверкающего кварцевого фасада находился тесный проход, отмеченный с двух сторон вертикально стоящими каменными глыбами; сразу за ним начинался узкий прямой коридор, также выложенный массивными камнями, который вел в самое сердце огромного кургана и заканчивался во внутреннем помещении, имеющем форму трилистника. И снаружи, и в коридоре, и в дальней крестообразной комнате, служившей, вероятно, для погребения, многие камни были покрыты теми же загадочными узорами. А сам узкий коридор был так точно направлен на точку восхода в день зимнего солнцестояния, что лик светила, поднявшись над горизонтом, заглянул прямо в дверь, и его теплые лучи промчались по темному коридору до самого конца.

Теперь пылающий диск уже поднялся в небо, его лучи рассыпались над заливом, над берегами острова, упав и на зимний лес, и на маленькие поляны, которые при их касании внезапно озарялись золотым сиянием. А лучи скользили все дальше, за речную долину, к сверкавшему кварцем кургану, и свет, отраженный от него, ложился на зеленые холмы, отчего и сам курган становился похожим на невиданное изумрудное солнце.

Было ли нечто холодное и пугающее в этом зеленом сиянии, когда солнечные лучи прорвались сквозь портал в темный коридор, уходящий вглубь кургана? Возможно.

Но пока происходило нечто удивительное. Потому что солнце в своем неспешном восхождении бросало лучи в это хитроумное сооружение, и они, словно полностью утратив свою обычную стремительность, спокойно и неторопливо, не быстрее ползущего ребенка, крались вдоль коридора, фут за футом, роняя по пути мягкий свет на камни, пока наконец не достигли комнаты-трилистника в самом центре. И там, снова набрав скорость, они вспыхнули на камнях, кружась в быстром танце и принося свет, тепло и жизнь в зимний склеп.

ДУБ-ЛИНН

430 209

I

Лугнасад. Середина лета. Близилось время сбора урожая. Стоя возле изгороди, Дейрдре смотрела на оживленные приготовления. День предстоял веселый, но ей он сулил лишь страдания. И все потому, что ее дорогой отец и этот одноглазый человек собирались ее продать. А она никак не могла им помешать.

Конала девушка поначалу даже не заметила.

По обычаю в состязаниях мужчины участвовали обнаженными. Традиция эта пришла из глубокой древности. Еще много веков назад римляне заметили, что кельты презирают нагрудные кирасы и предпочитают сражаться без доспехов. Один только вид грозных воинов с мускулистыми, раскрашенными яркой краской телами, зачесанными наверх гребнями волос и искаженными яростью лицами внушал ужас даже закаленным в боях римским легионерам. Иногда несущиеся в колесницах кельтские воины надевали короткие плащи, и они развевались за их спинами, а в некоторых частях Римской империи кельтские всадники носили укороченные штаны. Но здесь, на западном острове, традиция наготы распространилась на церемониальные скачки, и на молодом Конале не было ничего, кроме небольшой защитной повязки на бедрах.

Великий праздник Лугнасад отмечался в Кармуне, месте довольно мрачном и жутковатом, раз в три года. Среди диких лесов и болот раскинулся пустынный зеленый луг, который тянулся почти до самого горизонта. Чуть вдалеке, на западе, если идти вверх по течению, где Лиффи поворачивала на восток, к своему истоку в горах

Уиклоу, земля была равнинной, если не считать нескольких курганов с захоронениями древних вождей. Праздник продолжался неделю. Гостей угощали вкусной едой, в отдельных выгородках продавали скот и нарядную одежду, но, конечно же, главное место было отведено под широкую дорожку для состязаний, проложенную поверх дерна.

В ожидании пышного зрелища вокруг дорожки собралось множество зрителей. Каждый клан держался отдельно, рядом со своими шатрами или временными хижинами. И мужчины, и женщины были в ярких накидках — алых, синих или зеленых. На шеях мужчин висели великолепные золотые торки, ну а женщины, разумеется, щеголяли самыми разными украшениями. У некоторых мужчин тело и лицо были разрисованы синей краской; кто-то оставил волосы распущенными, кто-то зачесал их наверх, смазав раствором извести и уложив в воинственные острые пики, напоминающие всклокоченную конскую гриву. Повсюду стояли роскошные боевые колесницы. Лошади до начала состязаний оставались в стойлах. На поле горели костры, и медоречивые барды рассказывали возле них свои предания. Только что прибыла группа фокусников и акробатов. Со всех сторон слышались струнный перезвон, свист дудочек и волюнок; запах жареного мяса и медовых пряников наполнял летний воздух, смешиваясь с легким дымом костров. А на церемониальном холме возле скаковой дорожки восседал король Ленстера, главный распорядитель праздника.

С давних времен остров был поделен на четыре самостоятельные провинции. Воинственные жители королевства Улад обитали в северной части. Край чудесных озер и скалистых диких берегов, прозванный землей друидов, расположился на западе. Мума, самое южное королевство острова, прославилось своей музыкой. Там же, как гласит легенда, Сыновья Миля впервые встретились с богиней Эриу. И наконец, на востоке острова, среди сочных пастбищ и плодородных полей, издавна поселились племена лагенов. Так остров делился с незапамятных времен, и до нынешней поры, правда уже с измененными

ми названиями, это деление на Ульстер, Коннахт, Манстер и Ленстер сохранилось.

Впрочем, спокойной жизнь на западном острове не была никогда. За последние поколения в древних племенах произошли большие перемены. Могуущественные кланы, обитавшие в северной половине острова — Лет-Куйнн, «половине Конна», как ее называли, пожелали установить свое владычество над его южной половиной — Лет-Мога. А еще появилось новое, срединное королевство Миде, и с тех пор остров стал делиться уже не на четыре, а на пять частей.

В каждой части самый могущественный из всех вождей кланов объявлялся королем, и иногда наиболее властный из них провозглашал себя верховным королем и требовал, чтобы все остальные признали его господство и платили ему дань.

Взглянув на своего друга, Финбар покачал головой. День был в самом разгаре, и Конал готовился к скачкам.

— Мог бы хоть улыбнуться, — заметил Финбар. — Какой ты все-таки мрачный, Конал.

— Извини, — откликнулся тот. — Я не нарочно.

Как же нелегко приходится знатным людям, подумал Финбар. Боги уделяют им слишком много внимания. Так было всегда в кельтском мире. Вороны кружат над домом, возвещая о смерти вождя клана, лебеди покидают озеро. Неверный поступок короля может повлиять на погоду. А если ты принц, друиды предсказывают твое будущее еще до твоего появления на свет, и никто не в силах изменить твою судьбу.

Стройный темноволосый красавец с орлиным профилем, Конал был идеальным принцем. Принцем по крови. Конал сын Морны. Его отец был непревзойденным воином. Разве его не похоронили стоя, в кургане героя, лицом к врагам его племени? Это была высшая честь, которую только можно было воздать умершему мужчине в кельтском мире.

В роду отца Конала красный цвет считался несчастливым для всех мужчин. Но то была лишь малая толика всех бед, что ждали Конала. Он родился через три месяца

после смерти своего отца. Это уже сделало его особенным. Названным отцом стал верховный король, который был братом его матери. А это означало, что с тех самых пор весь остров знал о его существовании. А потом свое слово сказали друиды.

Первый из них показал младенцу веточки разных деревьев, и дитя тут же протянуло крохотную ручку к ветке орешника.

— Он станет поэтом и ученым, — заявил друид.

Предсказание второго звучало более мрачно:

— Из-за него погибнет прекрасный воин.

Но поскольку произойти это могло только в сражении, родные сочли пророчество друида добрым знаком.

Однако третий друид провозгласил то, что должно было преследовать Конала всю жизнь. Три гейса.

Любой принц или великий воин должен был остерегаться предсказанных ему гейсов, или запретов, и соблюдать великую осторожность, чтобы не нарушить их. Самое ужасное заключалось в том, что рано или поздно гейсы всегда настигали свою жертву. Но поскольку, как и многое другое в устах жрецов, они часто напоминали загадки, никто никогда не знал в точности, что они означают, и с легкостью мог угодить в ловушку.

К большой радости Финбара, ему-то никто никаких гейсов не назначил. А вот гейсы Конала, как знали все при дворе верховного короля, звучали так:

Конал не умрет, пока:
не положит свою одежду в землю;
не пересечет море на рассвете, когда солнце будет
светить ему в спину;
не прибудет в Тару сквозь черный туман.

Первый гейс не имел никакого смысла, второго вполне можно было избежать, ну а третий просто казался невероятным. Хотя туманы и не были редкостью во владениях верховного короля в Таре, однако черных там не видели никогда.

Конал был осторожен. Он уважал традиции рода. Финбар никогда не видел, чтобы его друг надел что-ни-

будь красное. Он даже не притрагивался к вещам таких оттенков.

— Все очень просто, — однажды сказал ему Финбар, — держись подальше от моря, и будешь жить вечно.

Они стали друзьями еще в детстве, с того самого дня, когда отряд охотников, среди которых был и юный Конал, остановился на отдых в скромном поместье семьи Финбара. Мальчики быстро познакомились, тут же затеяли веселую потасовку, а потом, на радость зрителям, стали играть в игру с мячом и палкой, которую островитяне называли хёрлингом. Через несколько дней после той встречи Конал попросил разрешения повидаться со своим новым приятелем еще раз, а через месяц они уже стали неразлучными друзьями. Вскоре по просьбе Конала Финбар был взят ко двору, где начал обучаться воинскому мастерству. Родные мальчика очень обрадовались такой счастливой возможности для него. Их дружбу ничто не омрачало. Конал любил своего друга за его добрую душу и веселый нрав, а Финбара восхищал ум юного принца и его спокойная вдумчивость.

Осторожность Конала ничуть не мешала его привычным занятиям. Хотя он и не мог похвастаться самыми крепкими мускулами, как его ровесники, зато атлетом был едва ли не лучшим. Бегал он быстрее оленя, а в состязаниях на легких двухколесных колесницах догнать его удавалось одному лишь Финбару. Копье Конала летело, как птица, и всегда попадало точно в цель. Щит он мог вращать с такой скоростью, что тот почти терялся из виду. А его любимый сверкающий меч всегда опережал даже более мощные удары соперника. И еще оба юноши были очень музыкальны. Финбар любил петь, а Конал превосходно играл на арфе, и друзья иногда развлекали гостей на королевских пирах. То были счастливые и очень веселые времена, и они часто со смехом вспоминали, как верховный король платил им как нанятым музыкантам. Все воины любили и уважали Конала. А те, кто помнил Морну, его настоящего отца, как один повторяли, что сын унаследовал его твердость и мужество.

Однако, несмотря на все успехи в военной премудрости, казалось, занимало Конала вовсе не это, и его друг Финбар никак не мог понять почему.

Принцу было всего шесть лет, когда он исчез в первый раз. Мать искала его целый день, и только перед заходом солнца он наконец появился с одним старым друидом, который спокойно сказал ей: «Мальчик был со мной».

— Я нашел его в лесу, — невозмутимо пояснил Конал, словно ничего не случилось.

— Но что вы делали целый день? — спросила его мать, после того как друид ушел.

— Мы разговаривали.

— О чем? — изумилась мать.

— Обо всем! — радостно воскликнул мальчик.

Так с тех пор и повелось. Конал мог играть с другими детьми и вдруг исчезал. Иногда он брал с собой Финбара, и они подолгу блуждали по лесу или брели вдоль реки. Конал очень любил, когда Финбар подражал птичьим голосам. А каждую травинку юный принц знал так хорошо, что едва ли на острове нашлось бы растение, которое он не смог бы назвать. И все же даже в такие чудесные дни Финбар порой чувствовал, что при всей любви к нему его друг предпочел бы остаться один. Тогда он находил предлог уйти, а принц мог бродить в одиночестве часами, не замечая, как бежит время.

Он всегда твердил Финбару, что счастлив в такие минуты. Но когда он погружался в раздумья, его лицо омрачала грусть, и в мелодии его арфы тоже звучала странная печаль.

— Вот идет человек, кому кручина важнее друга, — мог ласково поддеть его Финбар, когда он возвращался из своих одиноких прогулок, но принц только смеялся, весело подпихивал Финбара в бок и пускался бежать.

К тому времени, когда Коналу исполнилось семнадцать, уже никто не удивлялся, что другие молодые люди относятся к нему едва ли не с благоговением, как и к любому друиду.

Ученые люди на острове делились на три сословия. К низшему из них принадлежали барды — рассказчики,

которых звали на пиры гостям на потеху. Ступенью выше стояли филиды — хранители родословных, стихотворцы, а порой и прорицатели. Однако выше всех остальных в этой иерархии находились, безусловно, грозные и могущественные друиды.

Считалось, что прежде, еще до прихода туда римлян, самые искусные и просвещенные друиды жили на соседнем острове, в Британии. В ту пору они приносили в жертву не только животных, но и мужчин и женщин. Однако те времена давно минули. Теперь друиды жили на западном острове, и никто не мог припомнить, когда последний раз совершалось человеческое жертвоприношение.

Обучение у друидов могло длиться двадцать лет. Часто они не только умели почти всё то же, что барды и филиды, но и как жрецы получали тайные знания о священных заклинаниях и числах, а также учились разговаривать с богами. В день зимнего солнцестояния и в другие большие праздники друиды проводили сакральные обряды и жертвоприношения. Только друиды определяли, в какие дни нужно сеять зерно или забивать скот. Немногие короли осмеливались на какое-нибудь решение, не посоветовавшись с друидами. Острое слово друида могло ранить как бритва, а их проклятие ложилось на семнадцать поколений. Мудрые советчики, всеми признанные судьи, просвещенные учителя и самые грозные враги — всё это о друидах.

Учение друидов всегда было окутано тайной. Некоторые из них, подобно шаманам, могли впадать в транс и переходить в иной мир. Они с легкостью меняли свое обличье, превращаясь в птицу или зверя. И Финбар иногда думал, какой же из этих чудесных способностей обладает его друг Конал.

С той первой встречи со старым друидом принц всегда проводил с ними очень много времени. К двадцати годам он знал уже гораздо больше, чем многие молодые люди, которые готовились стать жрецами. Такой интерес не был чем-то необычным. Немало друидов вышло из знатных семей, а некоторые величайшие воины в про-

шлом учились вместе с друидами или филидами. Однако страсть Конала к таинственному учению была особенной, и, обладая великолепной памятью, он жадно впитывал все, что могли дать ему седые старцы.

И все же, хотя Конал и утверждал, что счастлив, иногда он казался Финбару очень одиноким.

Несколько лет назад, чтобы скрепить их дружбу, принц подарил ему щенка. Финбар повсюду таскал с собой своего маленького приятеля. Он назвал щенка Кухулином, в честь героя легенд. И только позже Финбар по-настоящему оценил подарок друга, потому что щенок вырос и превратился в великолепного гончего пса, из тех, которых купцы привозили из-за моря, заплатив за них серебряными слитками или римскими монетами. А этот пес, возможно, и вовсе был бесценным. Он никогда не отходил от своего хозяина.

— Если со мной что-нибудь случится, — однажды сказал ему Конал, — твой Кухулин будет напоминать тебе обо мне и о нашей дружбе.

— Ты всегда будешь моим другом, пока я жив, — заверил его Финбар. — А умру я уж точно раньше тебя.

Он не мог сделать принцу такой же дорогой подарок, но очень надеялся, что может хотя бы отплатить ему той же любовью и преданностью, которой радовал его верный пес Кухулин.

Был у Конала и еще один талант. Он умел читать.

В то время письменное слово уже было известно на острове. Британские и галльские купцы, заходившие в здешние гавани, часто умели читать. На римских монетах, которыми они пользовались, были выбиты латинские буквы. Финбар знал нескольких людей среди бардов и друидов, знакомых с грамотой. Много лет назад лучшие ученые мужи острова, используя гласные и согласные из латинского языка, даже создали собственное простое письмо для надписей на камнях и надгробьях. Однако, несмотря на то что время от времени кто-нибудь набредал на странные камни с загадочными огамическими знаками, больше напоминавшими зарубки на линейке, ранняя кельтская письменность так и не получила широкого распространения. Для записи священно-

го наследия острова, как слышал Финбар, она тоже не использовалась.

— Причины очень просты, — объяснял ему Конал. — Во-первых, все знания друидов тайные. Ты же не хочешь, чтобы о них прочитал кто-нибудь недостойный? Это может разгневать богов.

— И жрецы потеряют свою тайную силу, — заметил Финбар.

— Пожалуй. Но есть и другая причина. Все просвещенные люди на нашем острове обладают очень хорошей памятью, потому что постоянно развивают ее. Если мы начнем записывать наши знания, нам не придется ничего запоминать и наша память ослабеет.

— Тогда зачем ты учился читать? — спросил Финбар.

— Из любопытства, — ответил Конал таким тоном, словно в этом не было ничего особенного. — Кроме того, — добавил он с улыбкой, — я ведь не друид.

Не раз потом Финбар вспоминал эти слова. Конечно, его друг не был друидом. Он собирался стать воином. И все же... Иногда, когда Конал пел, закрыв глаза, или когда возвращался после своих одиноких прогулок с таким печальным, отстраненным лицом, будто побывал в каком-то таинственном сне, Финбар поневоле спрашивал себя, а не забрел ли принц... Но куда? Быть может, к границе между мирами?

Вот почему он не слишком удивился, когда в конце весны Конал признался ему:

— Я хочу сделать тонзуру друида.

Друиды особым образом выбривали волосы в передней части головы — от уха до уха. В результате лоб получался высоким и круглым, если, конечно, друид уже не начинал лысеть, в этом случае тонзура становилась почти не видна. У Конала волосы были густые и темные, и, разумеется, выбритая полоса стала бы очень заметна.

Конечно, друиды королевской крови бывали и раньше. К тому же многие на острове превозносили касту друидов выше королей. Финбар задумчиво посмотрел на друга.

— А что скажет верховный король? — наконец спросил он.